

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В МОСКОВСКО-КИЕВСКИЙ ПЕРИОД (XV-XVII ВВ.)

Ляхова Е.А.¹

¹*Юргинский технологический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Юрга, Россия, (652050, Кемеровская обл., г. Юрга, ул. Ленинградская, 26), e-mail: Ljachova@mail.ru*

В данной статье рассматривается формирование российского государства в период XV-XVII вв. Начало XVI – конец XV вв. - более чем два века продолжалась борьба русского народа за свое государственное единство и национальную независимость, завершившаяся объединением русских земель вокруг Москвы в единое государство. В статье отражены такие аспекты рассматриваемой проблемы, как взаимоотношения светской и духовной властей в рассматриваемый период в динамике развития, особенности формирования отношений собственности в российском государстве с учетом участия в них княжеской власти, бояр, дворянства, церкви. Анализ данных аспектов позволяет понять всю сложность и многогранность участия представителей православной церкви в формировании отечественной государственности в рассматриваемый период.

Ключевые слова: русские земли, православная церковь, централизованное государство, дворяне, господство, монастыри.

FORMATION OF THE RUSSIAN STATE IN MOSCOW-KIEV PERIOD (XV - XVII CENTURY)

Lyakhova E.A.¹

¹*Jurginsky institute of technology (branch) «National research Tomsk polytechnical university», (YuTI TPU, Leningradskaya street, 26, Yurga, 652055, Russia), e-mail: Ljachova@mail.ru*

This article discusses the development of the Russian state during the XV-XVII centuries. Start XVI - end XV centuries, more than two centuries of continued struggle of the Russian people for their political unity and national independence and the unification of the Russian lands around Moscow in a single state. The paper describes the following aspects of the problem as the relationship of secular and religious authorities in the period under review in the dynamics of development, the characteristics of the formation of property relations in the Russian government with the participation of princely power, nobles, nobility, church. The analysis of these aspects allows us to understand the complexity and diversity of the participation of representatives of the orthodox church in the formation of the national state in the period under review.

Key words: Russian land, the Orthodox church, centralized state, the nobles, the rule, the monasteries.

Объединенные русские земли вокруг всей Москвы. Православная церковь представляла собой огромную силу, как поддерживающую государство, так и постоянно соперничавшую с ним. Церковь сумела сохранить свои политические и экономические позиции и взгляды в нестабильных условиях. В процессе становления Московского царства в русских землях фактически была уничтожена социальная группа собственников и утвердилась власть-собственность в лице царя и государственной бюрократии. Большую роль в этом сыграли складывающиеся первоначальные отношения собственности в Северо-Восточной Руси. В начале же XII в. на огромных неосвоенных земельных площадях возникла княжеская власть, установившая свою земельную собственность, затем появились массы переселенцев с южных земель, вынужденные признать свое подчинение этой власти-собственности. В

Новгородско-Киевской Руси, наоборот, первичной была обширная поземельная собственность, и лишь потом появилась княжеская власть [5].

В следующих, XIII–XIV вв., еще более усилились позиции власти-собственности. Если в начале XV в. две трети всех пригодных земель принадлежали боярам, князьям, Церкви, а великому князю – всего одна треть, то к середине XVI в. положение изменилось на противоположное: у знати и Церкви – одна треть, у великого князя – две трети. К завершению же царствования Ивана IV собственников земли в России было лишь двое: царь и Церковь, причем собственность последней была практически сокращена. Для содержания поместного дворянского войска использовалась приобретенная казной земля. Примером того может служить политика Ивана III в отношении богатых новгородских боярских вотчин, т.е. наследственных земельных владений, которые составляли экономическую основу независимости боярской республики [5].

Иван III после взятия Новгорода переселил новгородских бояр под Москву, дав им поместья с условием несения службы, а их вотчинные земли отписал все на себя, заселив помещиками и черносошными, т.е. свободными, крестьянами-общинниками, несшими госарственные повинности. Таким образом, право земельной собственности стало фактически принадлежать государству. В других районах московские князья предприняли подобные шаги, а Иван IV фактически завершил ликвидацию боярских вотчин, охраняемых правом феодального иммунитета. Такая же судьба ожидала земельную собственность самостоятельных князей по мере подчинения их Москве.

Василием II были подорваны права собственности удельных князей из великокняжеского дома, после учреждения им на их землях уездов, которыми управляли наместники, назначаемые великим князем из числа московских бояр и получавшие «еду» со своей должности. А последнее удельное Старицкое княжество было ликвидировано Иваном Грозным после казни своего двоюродного брата Старицкого Владимира Андреевича.

Великие князья Василий III и Иван IV приняли последовательные меры к ограничению церковных вотчин. Изначально князьям и боярам запрещено было давать вотчины в монастыри без царского на то ведома; затем земли, отобранные Церковью у дворян, были возвращены владельцам, а земли, розданные боярами Церкви в малолетство Грозного, – в казну. С 1580 г. разрешалось делать только денежные вклады в монастыри. Владельцами, а не собственниками являлись и дворяне, которые получили землю от царя за службу у него. Этой земли они в любой момент могли лишиться, но и не только земли, а и своей жизни по царской воле.

В сравнении показательными характеристиками отношений собственности являются следующие цифры: в 70–80-х гг. XVI в. в Новгородско-Псковской области помещичьи

владения составляли 75–90%, монастырские вотчины – 16%; в Московском уезде 36% земель числилось за монастырями, 34% – за помещиками, остальные были черносошные. В Московском государстве стало монопольным господство власти-собственности. В то же время права собственников-феодалов в Западной Европе закреплялись личным договором, а феодальный иммунитет охранялся законом.

В период нашествия татаро-монгольское иго не собиралось обращать в свою веру Русь, и очень скоро православные митрополиты договорились с Ордой, получив от ордынских ханов ярлыки (письменное повеление хана), закреплявшие привилегии Церкви. Тем не менее против татаро-монголов Церковь включилась в борьбу за освобождение русских земель. Церковь в лице митрополичьего дома, крупных монастырей и городских соборов, епископских кафедр обладала огромным имуществом, в первую очередь земельным, выступая в качестве феодала. Еще при крещении Руси вместо десятины, которой она была наделена, Церковь в Московском государстве получила другие источники доходов: поступления от определенных статей княжеских доходов – городских, судебных, таможенных и торговых пошлин. Идеологические и экономические могущества позволяли Церкви чувствовать себя независимой от государства и даже бороться с ним за влияние в обществе. Однако московским князьям к концу периода удалось взять верх. Церковь признала верховенство светской власти в обмен на сохранение в неприкосновенности ее земельного имущества. Земля юридически принадлежала патриархии, митрополичьим и архиерейским кафедрам и монастырям, духовенство, точнее Церковь, выступало как класс феодалов. До одной трети обработанных земель и феодально зависимых крестьян принадлежало Церкви. Занимаясь ростовщицеством, обширную торговлю вели монастыри. Владения их продолжали расти, что представляло угрозу для дворянства. Был создан Монастырский приказ (первая половина XVII века) для управления церковными землями, и таким образом они были поставлены под контроль государства. Духовенство оформилось в самостоятельное сословие. Оно было освобождено от повинностей, налогов и несения государственной службы, а также имело свой суд и свое сословное управление. Духовенство же делилось на две части: черное и белое. Черное – это монахи жившее в монастырях, а белое – это приходские попы, священнослужители и вспомогательный персонал (дьячки, пономари). Белому же разрешалось жениться, но только раз в жизни, а черное духовенство (монахи) давали обет безбрачия. И дело вовсе здесь не только в проповеди аскетизма и отречении от мирских забот, но и в том, чтобы не дробились между наследниками-детьми церковные и монастырские земли. Только монахи могли занимать ведущие церковные должности. Наивысшим органом церковного управления и суда являлся московский митрополит, который в свою очередь в 1589 г. был возведен в сан патриарха. Смысл такой

акции состоял в том, что если митрополит подчинялся хотя бы формально константинопольскому патриарху, то с учреждением московской патриархии ее глава – патриарх по своему сану стал равен константинопольскому патриарху. Иными словами, Русская православная церковь становилась полностью независимой (автокефальной), и ее центром и в формально-юридическом смысле становилась Москва. Хотя патриарх и избирался Поместным собором, он еще и утверждался в своей должности царем, по восточной православной традиции, шедшей с византийских времен. Поэтому учреждение Московской патриархии являлось как бы завершающим актом, утверждающим суверенитет Русского централизованного государства. Поместный собор и патриарх не только являлись высшими органами духовного суда, но акты их были источниками церковного (канонического) законодательства. Церковному же суду подлежало все духовенство и зависящее от церкви население, кроме дел об измене, «душегубстве, татьбе и разбое с поличным». По ряду дел (например, преступления против нравственности, разводы и т.п.) и все светские люди подлежали церковному суду. Фактически православная церковь осуществляла идеологическую функцию государства, являясь носителем государственной идеологии, поэтому государство всячески поддерживало церковь и законодательно, и политически, и материально. Не случайно на первом месте во всех судебниках и Соборном Уложении 1649 г. стояли преступления против церкви, а уклонения от официальных церковных догм («ереси» – своеобразное диссидентство тех времен), склонение в другую религию государство сурово наказывало. Но в то же время цари оберегали, ревниво, но оберегали свою власть от вмешательства Церкви. И когда Филипп (Федор Колычев), глава церкви, митрополит пытался выступить против опричнины, то по приказу царя Ивана Грозного он был посажен в тюрьму и лишен сана, где и погиб впоследствии. Однако в начале XVII в. в годы «смуты» роль Церкви значительно возросла. После пресечения царской власти, когда открыто предавались правительством «семибоярщины» интересы народа иностранным интервентам, патриарх Гермоген, глава Православной церкви, выступил с призывом к возрождению русской государственности. Гермоген являлся национальным героем наравне с Мининым и Пожарским в глазах русских людей того времени, так как был репрессирован «правительством национальной измены» и погиб в феврале 1612 г. от голода в подвалах Чудова монастыря. Усиливалась роль и церковных властей, чему способствовал тот факт, что с 1618 г. (после возвращения из польского плена) страной фактически правил патриарх Филарет, отец юного царя Михаила Романова, присвоивший себе даже титул «великого государя». В середине XVII века патриархом Никоном (тоже носившим титул «великого государя») была предпринята последняя попытка поставить власть патриарха выше царской. Дело в том, что в связи с воссоединением России с Украиной встал

существенный вопрос об унификации церковных книг и церковно-обрядовой практики. Однако не все верующие согласились с церковными реформами патриарха Никона, и в частности с его указом креститься не «двумя, а тремя перстами». Следствием этих всех реформ произошел церковный раскол. Раскол не столько определялся богословскими факторами, сколько являлся формой общественного протеста против усиления феодального гнета и политики правительства. Специального системного и комплексного исследования о хозяйстве русских монастырей, землевладении и землеустройстве огромных вотчин, получаемой феодальной ренте со своего многочисленного зависимого населения, его иммунитете в конце XVI–XVII в. в научной литературе нет. В классических работах профессоров Московской духовной академии Е.Е. Голубинского и А.В. Горского основное внимание было сосредоточено на церковно-политической истории XIV–XVIII вв., ее религиозном и нравственном значении в истории русского общества и государства. В книге Н.Д. Шаховской, известной писательницы и литературоведа начала XX в., были приведены лишь отдельные интересные факты хозяйственной истории XV–XVII вв. Автором развивался взгляд на монастырь как на вотчину-сеньорию – соединение крупного землевладения с большим объемом судебно-политических, податных прав над крестьянством [10].

Единовременное проведение и организация столь всеохватного описания земель самого богатого монастыря страны в 33 уездах можно рассматривать как наиважнейший факт земельной и финансовой политики русского правительства конца XVI в. Показатель ее активного характера в налаживании и урегулировании межфеодальных поземельных отношений и церковно-государственных, роль письменной фиксации монастырских крестьян на уровне дворовых хозяйств. Очень трудно переоценить значение созданного в ходе переписи разнообразного и огромного по содержанию комплекса писцовых книг. В них зафиксировано около 13 тысяч бобыльских и крестьянских дворов. Были изучены многие спорные вопросы социально-экономической истории России конца XVI в. Если учитывать приток вложенных денежных средств в почитаемую во всей России обитель, важно иметь представление о ее экономических возможностях, размахе и разнообразии ее хозяйственно-экономической деятельности, столь твердого, прочного и самостоятельного положения в системе церковных и государственных отношений. По результатам переписи, полученным в 1613-1649 гг. в 31 городе, был установлен состав городских дворов-корпораций. Особенно важны для нас приводимые исследовательницей факты попадания городских дворов в состав крупных светских вотчин. Примером этого являются сделки монастыря на городские дворы с крестьянами (в том числе и своими собственными), – заселения корпорацией городских дворов путем перевода в них «старинных» крестьян и принятия посадских людей-закладчиков. За изученный период Троице-Сергиев монастырь всего получил 80 дворов и

дворовых мест. Они были приобретены разными способами, это и разного рода частные сделки, но и имели огромное значение правительственные пожалования (в Вологде, Великом Устюге, Боровске, Алатыре, Арзамасе и др. городах). Еще один из путей роста городского дворовладения монастыря - судебные дела, они дали еще 7 дворов [7].

Ряд проводимых исследований существует по наиболее ярким личностям из числа монашества первой половины XVII в., они же и авторы ценнейших по содержанию историко-литературных памятников, известные писатели. В данный момент речь идет об Авраамии Палицыне и его «Сказании» (работы Я.Г. Солодкина и И.О. Тюменцева), о Дионисии Зобниновском (работы О.А. Белобровой), Симоне Азарьине и его «Книге о чудесах преп. Сергия» (статьи Е.Н. Клитиной и Б.М. Клосса). Недавно переизданы историко-литературные памятники, созданные в русских монастырях на высоком научно-археологическом уровне Б.С. Клоссом [1; 3].

Следует отметить, что имеется только одна специальная монография в зарубежной литературе по Троице-Сергиеву монастырю из всех духовных обителей средневековой Руси. Французский славист, автор этой работы, доцент Сорбонны Пьер Гонно – очень подробно осветил церковно-политическую историю монастыря с момента его основания до первой трети XVI в. включительно, процесс роста его земельных и промысловых владений, развитие торговли, организацию в нем власти, снабдив книгу обстоятельным научно-справочным аппаратом [12]. В работах немецкого ученого Л. Штайндорфа (Мюнстер) и американского ученого Д. Миллера (Чикаго) изучалась религиозная мотивация земельных вкладов в Сергиев монастырь как проявление русской средневековой религиозности и отражение поминальной практики русского православия [15; 16]. Поземельные акты изучались как памятники массового религиозного сознания средневековой Руси, начинали их еще А.С. Лаппо-Данилевский и Л.П. Карсавин в конце XIX–XX вв., затем надолго угасла в нашей историографии, когда поземельным актам давали только социально-экономическую интерпретацию. Сейчас эта линия постепенно возвращается, на что влияет и более полное знакомство с зарубежными исследованиями (Ф. Ариеса, Ж. Ле Гоффа), достижения отечественной медиевистики (Ю.Л. Бессмертный, А.Я. Гуревич) и усвоение прерванного опыта дореволюционной, правда, идеалистически ориентированной историографии (А.С. Лаппо-Данилевский и Л.П. Карсавин).

Специальное научное изучение архивных источников русских монастырей позволяет нам дать более полный и системный «портрет» крупной феодальной вотчины-сеньории, в котором в комплексе будут учтены все факторы ее развития – и феномен крупной корпоративной собственности с ее расчлененной структурой, и материально-пространственная ее организация в виде определенной системы сельского расселения со

множеством динамично меняющихся компонентов, и фактор народонаселения огромной по масштабу латифундии, и способы ее землеустройства, с публично-правовой и экономической реализацией прав собственности. Наиболее полной степенью новизны в ходе намеченного изучения обладают проблемы собственности, ренты и иммунитета, применительно к концу XVI–XVII вв., когда правительство пыталось более или менее последовательно продолжать ограничительный курс своей земельно-финансовой политики в отношении церкви. Полагаем, что и для понимания принципиальных проблем общероссийского развития в указанное время (эволюция поместно-вотчинной системы, закрепощение крестьян, начало формирования всероссийского рынка, церковно-государственные отношения) специальное рассмотрение социально-экономической истории вотчины Троице-Сергиева монастыря будет иметь несомненное научно-познавательное значение.

Список литературы

1. Державина О.А. «Сказание» Авраамия Палицына и его автор // Сказание Авраамия Палицына. - М.-Л., 1955.
2. Клитина Е.Н. Симон Азарьин (новые данные по малоизученным источникам) // ТОДРЛ. - Т. 34. - Л., 1979. - С. 298-312.
3. Клосс Б.М. Заметки по истории Троице-Сергиевой лавры XV-XVII вв. // Труды по истории Троице-Сергиевой лавры. - Сергиев Посад, 1998. – С. 4-11.
4. Клосс Б.М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. - М., 1998.
5. Ляхова Е.А. Русские монастыри как фактор влияния на державную государственность // Молодой ученый. — 2011. — № 6. - Т. 2. — С. 73-75.
6. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). - Ч. 1. А-З. - С. 36- 44, 274-276.
7. Соловьева Т.Б. Пути роста городских владений церкви в России в первой половине XVII в. // Русский город. - Вып. 9. - М., 1990. - С. 228-246.
8. Тюменцев И.О. История создания «Сказания об осаде Троице-Сергиева монастыря» Авраамия Палицына // Средневековая Русь : сб. науч. ст. - СПб., 1995. - С. 42-51.
9. Тюменцев И.О. Социально-политическая борьба в России и оборона Троице-Сергиева монастыря в 1608-1610 гг. : автореф. канд. дисс. - Л., 1989.
10. Шаховская Н.Д. В монастырской вотчине XIV-XVII вв. (Св. Сергий и его хозяйство). - М., 1915.

11. Штайндорф Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей в Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиевой лавры и из Иосифо-Волоколамского монастыря) // Междун. конф. «Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России». - Сергиев Посад, 1998. - С. 27-29.
12. Gonneau Pierre. La maison de la Sainte Trinite- un grand-monastere russe du moyen age tardif (1345-1533). Paris, 1993.
13. Mavor J. An economic history of Russia. New York, 1965 / Vol. 1.
14. Miller D. Motifs for Donations to the Trinity-Sergius Monastere 1392-1605. Jender Mattrers // Essays in Mediaeval Studies, 14 (1998). P. 91-106.
15. R.E.F. Smith. The enserfment of the Russian Peasantry. Cambrige, 1968. N 14, 17, 19, 22-24.
16. R.E.F. Smith. The Origines of Farming in Russia. Paris, 1959.
17. Steindorf L. Memoria in Altrussland. Unrersuchungen su den Formen christlicher Totensorge Stuttgart, 1994.

Рецензенты:

Гайдамакин Андрей Васильевич, д.и.н., профессор кафедры истории, философии, культурологи, ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей и сообщений», г. Омск.

Никифоров Олег Александрович, д.и.н., профессор, зав. кафедрой «Менеджмент и маркетинг», ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей и сообщений», г. Омск.